

Люба Макаревская

ОСКВЕРНЕНИЕ

INSPIRIA

Москва

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М15

Макаревская, Люба.

М15 Осквернение / Люба Макаревская. — Москва : Эксмо, 2026. — 160 с.

ISBN 978-5-04-211345-1

«Осквернение» — это текст о любви и о жизни в эпоху пугающих перемен. Главные героини повестей и рассказов — современные женщины, переживающие утрату. Они живут в Москве и Петербурге, ходят на выставки, встречаются с любимыми, сталкиваются со знакомыми каждому проблемами. «Осквернение» — это проза, где интимное выходит на уровень универсального, а любовь и воспоминания для героинь становятся последним способом остаться человеком.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Макаревская Л., текст, 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-211345-1

Повести

Осквернение

По-настоящему время делится
на ноющее, колющее, тупое
и с тобою.

Михаил Гронас

С вами как будто нужен был
ебаный трагизм веселья

София Камилл

Жизнь все больше и больше дается мне
через усилия. В окно кухни я вижу, как
с крыш сбрасывают снег. И нечто в меха-
ничности этого действия, в его неотменяе-
мости причиняет мне боль.

Тихо шепчет дьякон седенький,
За поклоном бьет поклон
И метет бородкой реденькой
Вековую пыль с икон.

В три часа дня я ложусь на кровать и, закрыв глаза, по кругу слушаю эти строчки, чтобы ненадолго отменить мир. Чтобы он не давил на меня с такой силой. Вечером все становится еще бессмысленнее. Мне хочется исчезнуть посреди вечеринки, лечь на дно, стать пеплом, и я закрываюсь в туалете все с той же музыкой. Воспроизвожу свое детское поведение и вечное желание и стремление забиться в угол, сесть на последнюю парту, на самое дальнее место в ряду.

Мне все еще хочется, чтобы он кончил со мной, как раньше, кончил со мной, чтобы я могла прижиматься к нему, пока его бьет дрожь. Чтобы наконец несколько минут мне было не больно. Все другое неинтересно и не имеет никакого смысла.

Я знаю, что всегда рано или поздно меня снова накроют мысли о нем. Почему кого-то мы можем забыть, а кого-то нет? Точно этот один человек закрывал некую дыру внутри нас, закрывал собой весь мир.

Нужно сказать, что все люди, кроме него, особенно другие мужчины, вызывают у меня

удивительное отвращение даже год спустя после расставания.

Как они вообще смеют подходить ко мне и говорить со мной в мире, где есть он.

Сейчас, когда алкоголь смывает меня волнами, мне хочется переспать с афроамериканцем, чтобы он пронзил меня насквозь. И я наконец стала бы электричеством, а потом тканью, разорванной тканью.

Или лучше, вернее, чище, стерильнее, чтобы кто-нибудь ласковый в белом сделал мне укол седативного или просто ввел смертельную инъекцию.

Когда у меня случаются панические атаки, мне кажется, что скоро я начну спать с правыми мужчинами или с дворниками или хуже того — писать пошлость, уже пишу.

Час спустя даже кассирша ночного супермаркета смотрит на меня разочарованно, когда я хватаю батончик «Марс» трясущимися руками. Что говорить о других? О тех, кто знает меня лучше, и обо мне самой. Я превратилась в человека, который и двух часов не может протянуть без шоколада, словно

у меня инсулиновая зависимость, но я знаю, что это не так. Зависимость от сладкого — самая меньшая из всех моих проблем.

ЦВЕТОК-ВАСИЛЕК

Почему все центры современного искусства так удивительно похожи на вокзалы и больницы? Я смотрю на нее посреди какого-то выставочного пространства, удушающе-белого, и ее профиль светится, и мне кажется, что мне проще смотреть на нее, чем думать о тебе, — у нее глаза, как васильки. И я больше не сопротивляюсь собственной дихотомии. У меня нет на это сил, хотя прежде меня волновала только ясность, я бредила ясностью.

Но ясность слишком часто оборачивалась болью: почему бы тогда не начать скрываться и убегать от нее? У нее слишком высокая цена.

Мы сблизилась с ней, когда я плакала внутри себя от желания, чтобы ты взял меня за руку, но рядом оказалась она, и на какой-то идиотской псевдогаражной вечеринке мы

пошли с ней танцевать под Wicked Game Криса Айзека. Она смотрела в мои глаза, высокая и нежная, она была похожа одновременно на баскетболистку и на цветок. Цветок-василек. И я полупьяная кружилась с ней в танце, которому казалось нет конца. Затем, когда конец все же наступил, мы брели с ней по апрельской сухой Маросейке в компании таких же пьяных друзей, и апрельская ночь летела на городом.

В компании друзей у метро мы прощаемся с ней.

Она присылает мне фото своего запястья с тремя выцветшими следами от сигаретных ожогов и пишет, что прыгнула с козырька подъезда жилого дома, потому что ей хотелось, чтобы остался след от того, что с ней происходило в последние недели. И я чувствую почти восхищение и доверие к ней и присылаю ей фото своего запястья с ярким, похожим на белую звезду следом от ожога.

Я помню, как получила этот ожог: несколько раз с силой прижгла сигарету

о свою руку в одном и том же месте. Это случилось, когда между мной и тобой все начиналось. Когда ты отстранился от меня.

Когда мы только познакомились с тобой, мне захотелось, чтобы тебе стало легче, потом это желание прошло. И когда между нами все началось, оно вернулось с новой силой. Оно стало таким сильным, что поглотило меня почти целиком, и теперь эта яркая белая звезда на моей руке напоминает мне о том периоде — это самый драгоценный след на моем теле. Я бы оставила только этот след, похожий на белую звезду, вместо всего своего тела.

Она мне пишет, что он очень красивый. Я знаю, этот след — самое красивое, что есть во мне. А дальше мы не видимся с ней лето и осень, и вот теперь зима, и мы выходим из пустого и стерильного центра современного искусства. Я жму ее руку в варежке, а затем наше тепло с ней прерывается, и она исчезает, потому что должна исчезнуть и потому что все, кто много значил и значит для меня, исчезли так или иначе.

В России, где я родилась и живу, все определяет снег. Все заканчивается им и начинается с него, и вот по пути домой я остаюсь один на один с его тотальностью и бесконечностью. Все начинается со снега и заканчивается снегом.

ЗИМНЕЕ НЕБО

Днем позже я посещаю друзей, ставших молодыми родителями. И это оказывается таким бесконечно тревожным визитом, внутри которого все остаются одинокими. Еще с утра я ожидаю, как превращусь в машину умиления: раньше, когда я видела младенцев, в груди у меня все теплело само собой, совершенно бесконтрольно, точно нечто вроде древнего инстинкта завладевало мной, но теперь, после полугодовой депрессии, я смотрю на четырехмесячную девочку и ничего не чувствую, несмотря на то, что она абсолютно чудесная, она сжимает мой указательный палец и внимательно изучает пространство вокруг себя и иногда заглядывает в мои глаза. И мне пронзительно страшно

от пустоты внутри себя самой, ее юная мать говорит мне, что обижается на супруга за то, что он интересуется чем-то кроме ребенка, а он хочет говорить со мной о Лакане и арт-хаусе, и мне тоже проще говорить об этом, чем о детях, но я понимаю весь космический ужас ее боли и одиночества, когда весь твой мир сводится к кому-то одному, или я понимаю ее только косвенно оттого, что на самом деле мне хочется говорить со всеми только о нем. И все, кроме него, мне неинтересны, даже младенцы, — наверное, это почти преступно. Мне кажется важным только он и то, что было между мной и ним. Таким образом все мы, сидящие в комнате, оказываемся невыносимо одинокими, каждый абсолютно один в своем крике, включая малышку.

Потом все втроем мы идем гулять, малышка спит в коляске, и в глубине сквера сквозь мороз мы смотрим на небо и говорим о литературе, в этот момент я наконец чувствую забытое единство с ними, и несколько минут мне совсем легко, как будто они прежние и я прежняя, точно жизнь может

меняться и идти вперед, не переворачивая все внутри человека. И над нами стоит прозрачное зимнее русское небо, страшное, как вдох и выдох.

Вскоре эта легкость уходит, и возвращается одиночество, невозможность до конца понять и примерить на себя чужой опыт, и этот визит становится еще одним тягостным событием начала зимы. Неужели я утратила способность к эмпатии? И вместо нее со мной осталась только животная тоска по нему? Вероятно, да.

Во время этого визита молодая мама Катя сказала мне:

— Ты очень худая, тебе надо больше есть.

Моя собственная мама сказала мне, что мои руки — как веревки, плетки, веточки.

Две недели назад то же самое сказал врач.

И вот тогда я вспоминаю, что, когда я ночевала у него и выходила из спальни на кухню, чтобы покурить, завернувшись в одеяло, он говорил мне:

— Оно не слишком тяжелое для тебя?